

ОТЗЫВ

**официального оппонента
на диссертацию Угрина Ивана Михайловича
“Имперская и национальная парадигмы в ракурсе
становления русской гражданской культуры”,
представленную на соискание ученой степени
кандидата политических наук по специальности 23.00.02 –
Политические институты, процессы и технологии**

Актуальность избранной диссертантом темы очевидна. В последние десятилетия проблематика «имперскости» активно обсуждается не только в научных трудах, прямо ей посвященных (А.Г. Дугин, В.Л. Цымбурский и др.), но и в различного рода публицистической литературе и СМИ. И не только применительно к России, но и к политическим процессам за ее пределами. При этом подход к данной проблематике по большей части выходит за академические рамки, идут острые дискуссии, что свидетельствует о злободневности обсуждаемых сюжетов, об их значимости в сфере как философии, так и политологии.

Сразу скажу, что представленный текст диссертации, на мой взгляд, обладает качествами, которые не могут не импонировать. Автор серьезно подошел к предмету исследования, освоил и ввел в оборот обширную литературу, имеющую как прямое, так и косвенное отношение к теме. Среди этой литературы и отечественные философские классики (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и т.д.), и современные авторы – российские и зарубежные. Эта литература им «переварена», интерпретирована, и в этом плане его диссертация не похожа на расплывшиеся, к сожалению, за последнее время «диссеры», в которых нахватааны и свалены в кучу разного рода цитаты и материалы из интернета, годные лишь для имитации научности. О серьезности отношения И.М. Угрина к теме свидетельствует о язык и стиль его исследования – не только грамотный и осмысленный, но и живой, искренний. Наконец, на мой взгляд, продумана общая линия исследования, ее последовательность и логика.

Автор исходит из беспокойства по поводу нынешней кризисной ситуации в России – не только социальной или политической, но также культурной, цивилизационной. В поисках путей преодоления кризиса он обращается к прошлому России, ее бытия в качестве империи, выявляет факторы, способствовавшие образованию империи в России как института, вызванного к жизни внутренними и внешними проблемами страны (глава 1), а также характеристики и особенности «имперскости» в России в отличие от Запада – в частности в плане гражданской культуры, тяготевшей не к праву (как в Европе), а к «правде» (глава 2, §1, 4). «Имперскость» в России, как стремится показать диссертант, связана с поисками национальной идеи (глава 2, §2). Империя, включая период СССР, в той или иной мере выполняла функции защиты цивилизационной идентичности в России, а также двигателя процесса модернизации (глава 3). Отсюда делается вывод о важности сохранения некоторых «несущих конструкций» империи, а не следования западным моделям национального государства, – поскольку первое более соответствует социальным и политическим ценностям, складывавшимся на протяжении российской истории.

Такой ход мысли в целом представляется логичным (другое дело, что некоторые посылки могут вызывать возражения, о чем ниже). По ходу анализа и размышлений И.М. Угрин высказывает ряд мыслей, которые привлекают внимание. Например, о том, что Россия по сути исторически молодая цивилизация, пока не вполне сложившаяся социокультурная общность, и ей еще предстоит реализовать заложенные в ней потенциалы (с. 98-99). Или, скажем, характеристика горбачевской перестройки как избыточного «самобичевания, затеянного самой советской властью и ее же разрушившего» (с. 132), поскольку это означало выплескивание с водой и ребенка, становившихся веками базовых культурных и политических традиций. Эти примеры можно было бы умножить.

Но главный элемент новизны авторского подхода заключается, на мой взгляд, в том, что нам предложена ... утопия. Поясняя, что он выступает не за возвращение к прошлому, не восстановление прошлого, а новую форму империи, «государство правды», о чем мечтали многие русские мыслители, И.М. Угрин пишет: «Государство правды» — не очередная ли это утопия? Пусть так. А разве всякая утопия плоха? Не приводит ли отсутствие идеала, пусть и недостижимого в скором времени, к глубокому кризису общества и культуры?» (с. 100). Диссертант здесь ссылается на статью А.А. Гуссейнова «Философия как утопия для культуры», где высказывается предположение, что «именно ... в отказе от утопий, в утрате морально-возвышающего пафоса заключается кризис современной философии» («Вопросы философии», 2009, №1, с. 16). По мысли диссертанта, сегодня России необходима «не империя силы, а империя духа» (с. 99).

Ну что ж, утопия так утопия. В конце концов, Карл Маннгейм в свое время не случайно определил утопию и идеологию как две типологические формы философского и политического знания. Но их функционирование или конструирование предполагает соблюдение определенных правил и познавательных процедур. Прежде всего — четкое обозначение употребляемых понятий, ясное различие «реального» и «утопического», что в данном случае связано со сравнением реальных, исторических империй и будущей «имперскости» с качествами, которые мы бы хотели у нее видеть.

Здесь к диссертации И.М. Угрина есть претензии. Впрочем, хочу пояснить: я не рассматриваю эти свои претензии как дежурные или шаблонные замечания, которыми нередко грешат оппоненты в официальных отзывах. Или так: мои замечания я рассматриваю как участие в обсуждении поднятой диссертантом темы, как спор коллеги с коллегой, признавая его право на собственное мнение.

Начну с центральной для диссертации категории — понятия «империя», самого по себе достаточно размытого. Отвергая сложившиеся вокруг него

«мифы» (империя – это насилие, враг демократии, пережиток прошлого и пр.), автор создает своего рода контрмифы, во всяком случае, наделяет феномен империи такими качествами, которые, на мой взгляд, затемняют суть дела. Так, Римской империи вменяется в заслугу, что она принесла мир на окружающие территории, положила конец «вражде племен» (с. 16). Со ссылкой на кандидатскую диссертацию Д.А. Макарова «Система права Византийской империи» утверждается, что республиканские принципы организации верховной власти «имели доминирующее значение на протяжении истории Византийской империи. Власть Василевса была условна» и т.п. (с. 17).

Империи, по автору, существуют и сегодня – например, США или Китай. Конечно, есть то, что публицисты называют «вашигтонским обломом», претендующим на гегемонию в мире, но это еще не основание считать США «либеральной империей», хотя этот термин употребляется некоторыми американскими авторами и даже самим г-ном А.Б. Чубайсом. Что касается «современной китайской империи», да еще «классической, со всеми атрибутами, присущими имперскому государству» (с. 18), то нынешние китайские руководители наверняка не примут такую политическую квалификацию КНР.

Сам же диссертант предлагает такие атрибуты империи, которые не слишком поясняют и скорее осложняют ее понимание. Так, имперская власть, по его словам, есть «организация на универсальных принципах больших пространств, населенных народами с различной культурой» (с. 28). В империи «заложена тяга к всемирному», ее «ключевой признак» – «универсализм» (там же). «Империя – это построение Мира миров», «суть имперской идеи», – «устранение противоречий между враждующими сообществами», а также «единство Востока и Запада» (с. 29). «Для имперского сознания характерна «ориентация на «всеобщее благо», что бы при этом под ним не понималось» (с. 71). «Имперское сознание – это

сознание силы и порядка» (с. 75). «Задача империи» – «защита цивилизации, цивилизационной идентичности», и потому «в сфере властных отношений империя отливается в импероподобное государство» (с. 26-27). У империи «можно выделить две ключевые интенции. Первая из них – чувство солидарности и желание реализовать принцип соучастия в максимально возможных пределах. Вторая – воля к власти вообще (без той онтологической нагрузки, которую несло это понятие у Ф. Ницше) и завоевательный азарт как одно из ее наиболее значимых проявлений» (с. 76).

Все эти характеристики достаточно сомнительны и в чем-то противоречивы. США, Канада или, скажем, Австралия – весьма «обширные пространства» с различными этносами, но не империи. «Мир миров», «единство Востока и Запада» выглядят как перенесение российского случая на другие империи. «Тяга к всемирности», «универсализм» – это скорее относится к современной глобализации, но, как говорится, не дай Бог такого «универсализма» и «всемирности», которые приведут к нивелированию локально-цивилизационного своеобразия. Цивилизации не всегда «отливаются» в «импероподобное государство» – «имперской защиты» не было у Европы, Латинской Америки, Тропической Африки, Индии. «Воля к власти» и «завоевательный азарт», конечно, присущи империям, но как это сочетается с другой «ключевой потенцией» – «чувством солидарности» и «принципом соучастия»?

Надо сказать, что термин «империя», действительно, трудно поддается концептуализации, поскольку его употребление зачастую являлось различным или даже произвольным. К примеру, Германия стала империей после объединения при Бисмарке всех ее провинций или княжеств под эгидой Пруссии, но могла бы с таким же успехом считаться обычным (хотя и монархическим) государством типа Франции (после 1870 г.) или Италии. Империями одно время назывались Мексика или даже Гаити. Империей европейцы называли Японию, поскольку там был император. Но японский

титул «тэнно», который переводился как «император», означал по-японски «сын Неба», который как бы стоял у истоков японского общества и являлся его религиозным лидером. Он точно не объединял различные этносы – во-первых, потому, что в Японии был один этнос, а во-вторых, потому, что «тэнно» считался земным воплощением Полярной звезды, т.е. символом неподвижности, не осуществлявшим никакого действия или движения.¹

В данном случае, как мне представляется, может быть продуктивным исторический подход – проследить, как складывалось понятие «империи» и как употребляли этот термин. Отправным пунктом здесь, безусловно, является Римская империя, *Imperium Romanum*, продолжением которой (и поначалу ее частью) стал «второй Рим», Византия. «Рим» явился своего рода политическим образцом для последующих и не слишком удачных попыток построить подобную империю – Карлом Великим, крестоносцами (Латинская империя), германскими королями, захватившими Северную Италию (Священная Римская империя). От римского ориентира отправлялась и Россия («Третий Рим»), где русское слово «царь» было производным от римского «цезарь». Но когда Россия с Петра I стала официально именоваться империей, а русский царь императором, концепт «Третьего Рима» уже не был в ходу, и «имперство» должно было просто знаменовать возросшую мощь и значение России. (Разновидность колониальных империй я оставляю за скобками как особый случай).

В целом, в сухом остатке империя как политическая конструкция предстает крупным государством, как правило самодержавным, где центральная власть контролирует провинции и имеет право налагать вето на их решения. Или, если использовать определение А.И. Фурсова, которое приводится в диссертации, – «высокоцентрализованной наднациональной

¹ Подробнее см. Александр Мещеряков. Японский император и русский царь: элементная база. М.: Рипол Классик; Наталес, 2004.

структурой». Некоторые черты «имперскости» были присущи – среди современных государств – Советскому Союзу.

И.М. Угрин довольно подчеркнуто противопоставляет империю национальному государству. Различие между ними он видит (со ссылкой на русского философа И.А. Ильина) в том, что второе «односоставно», а первая есть «единство во множестве», является полиэтничной (с. 64). Но проведение такого различия весьма спорно. Национальное государство тоже может состоять из различных этносов и культурных сообществ, как, к примеру, Франция, Германия, Бельгия и т.д. Но эти различные этнокультурные группы объединяются (помимо общеупотребительного языка) тем, что несмотря на отличия, они все признаются гражданами данной страны и тем самым – образующими единую нацию. На этом и основано понятие национального государства (nation-state) в современном его понимании.

В диссертации уделяется большое внимание проблемам гражданственности и гражданского общества, приводится мысль, что гражданство может быть присуще также и империи. Но раскрытие этих понятий в работе оставляет желать лучшего. Например, гражданское общество определяется как «совокупность всех граждан, *сознательно* принимающих участие в политической жизни» (с. 80). Эта дефиниция по меньшей мере неполная. Можно ли считать, допустим, советских граждан (он^и/по Конституции назывались именно гражданами), 98% которых на выборах голосовали за безальтернативных кандидатов, гражданским обществом? Вряд ли. Потому что гражданское общество – это та сила, которая не только строит государство или поддерживает его, но и может выступать против него, отстаивая свои интересы. Такое гражданское общество в «высокоцентрализованной» империи оказывается под вопросом. Между тем борьба гражданского общества «за свои интересы» рассматривается И.М. Угриным лишь в негативном аспекте – применительно к современным западным обществам, где гражданское общество – лишь

«случайное сцепление борющихся между собой индивидов и групповых интересов (партий, движений, союзов, блоков, лоббистских организации и т.п.» (с. 90).

Одним из центральных понятий в диссертации выступает понятие «правды», которое, по автору, является важнейшей мировоззренческой и политической ценностью «русского мира», с чем в принципе можно согласиться. Но это понятие, в силу его многозначности и неопределенности, необходимо раскрыть. Автор, ссылаясь на Н.К. Михайловского, делает это следующим образом: ««Правда» включает две стороны: *истину*, т.е. цельное представление о высшем начале (или началах) и его связи с человеком и миром, которое полагается верным и не подлежащим сомнению, и *справедливость*, т.е. представление об общем благе, которое полагает должным осуществление социального идеала (пусть и в отдаленном будущем), согласного с истиной» (с. 10). Определение «истины» здесь очень туманно (при чем тут «представление о высшем начале и его связи с человеком и миром»?). У Михайловского сказано вполне ясно: правда-истина – это знание «о мире *как он есть*»; правда-справедливость – знание «о том, каков мир *должен быть*». ² Но дело не только в этом. Важно еще бы объяснить, как может «истина» согласовываться со «справедливостью», что вообще такое «справедливость», – чего в работе нет.

Вышесказанное можно свести к двум основным замечаниям. Во-первых, необходима *большая* четкость в характеристике основных, «несущих» понятий. Во-вторых, в работе есть, на мой взгляд, некоторая идеализация империи, конкретных исторических империй, особенно российской. Помимо того, о чем уже говорилось, приведу еще один пример. По мысли автора, в отличие от гражданских связей в национальном государстве, империи выработали иной принцип – «подданничество», которое

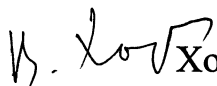
² Н.К. Михайловский. Письма о правде и неправде. – Сочинения, т. IV, Спб., 1909, с. 414.

трансформируется в «служение». «Крестьяне служили дворянам, дворяне монарху, духовенство Церкви... Служение понималось ими как норма, как то, что неотделимо от самой жизни» (с. 79). Ну, что ж, тем самым признается, что в реальных империях были не граждане, а подданные. Но, во-первых, не стоит возводить это в какую-то особую добродетель, а во-вторых, такой скрепы общества уже давно нет, и вряд ли она вернется.

Я бы не хотел быть понятым таким образом, что высказанные замечания (а их немало), так сказать, «перевешивают» мое позитивное отношение к диссертации И.М. Угрин. Просто мне было интересно размышлять над его текстом (в том числе и с критической стороны). И это говорит о многом: значит, автору удалось его исследование, раз оно вызывает столь равнодушное отношение со стороны читателя или эксперта. И мои соображения относятся скорее к тому, что диссертант в той или иной мере учтет их, продолжая работу над этой темой (а что он будет продолжать, я не сомневаюсь). Подытожу кратко: диссертант написал качественный, в хорошем смысле слова провокативный текст, который убеждает, что автор сложился как исследователь, достойный того, чтобы и дальше заниматься научной работой. А это, по-моему, главный критерий для оценки кандидатской диссертации.

Мой вывод в итоге: И.М. Угрин вполне заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии. Опубликованные им работы в ВАКовских и других изданиях соответствуют содержанию диссертации.

20 марта 2015 г.

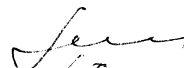
 Хорос Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,

руководитель Центра проблем развития и модернизации
Института мировой экономики и международных отношений РАН

Хорос В.Г.
Институт мировой экономики и международных отношений РАН

9

(Писаревский И.И.)